

Юрий Александрович Олсуфьев
Из недавнего прошлого
одной усадьбы

Юрий Олсуфьев

**Из недавнего прошлого
одной усадьбы**

«Индрик»

2009

Олсуфьев Ю. А.

Из недавнего прошлого одной усадьбы / Ю. А. Олсуфьев —
«Индрик», 2009

В книге опубликованы воспоминания выдающегося ученого и музейного деятеля Юрия Александровича Олсуфьева (1878–1937). Написанные в 1921–1922 годах, они посвящены усадьбе Буйцы Елифанского уезда Тульской губернии, где Ю. А. Олсуфьев и его жена, графиня София Владимировна, урожденная Глебова, провели счастливые годы с 1902 по 1917. В воспоминаниях длинной чередой проходят десятки лиц, с которыми жизнь сталкивала автора с момента его рождения до Февральской революции 1917 года. Описание родовых вещей поставлено в прямую связь с конкретными историческими деятелями, родственниками и знакомыми, чем объясняется неповторимая атмосфера этих воспоминаний. К основному тексту прибавлены записные книжки автора под общим названием «Общения» за 1913–1937 годы, воспоминания об Ю. А. Олсуфьеве, списки его изданных и неизданных работ и аннотированный указатель имен. Издание иллюстрировано редкими архивными фотографиями.

© Олсуфьев Ю. А., 2009

© Индрик, 2009

Содержание

О Юрии Александровиче Олсуфьеве	8
Ю. А. Олсуфьев	15
Из недавнего прошлого одной усадьбы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юрий Александрович Олсуфьев

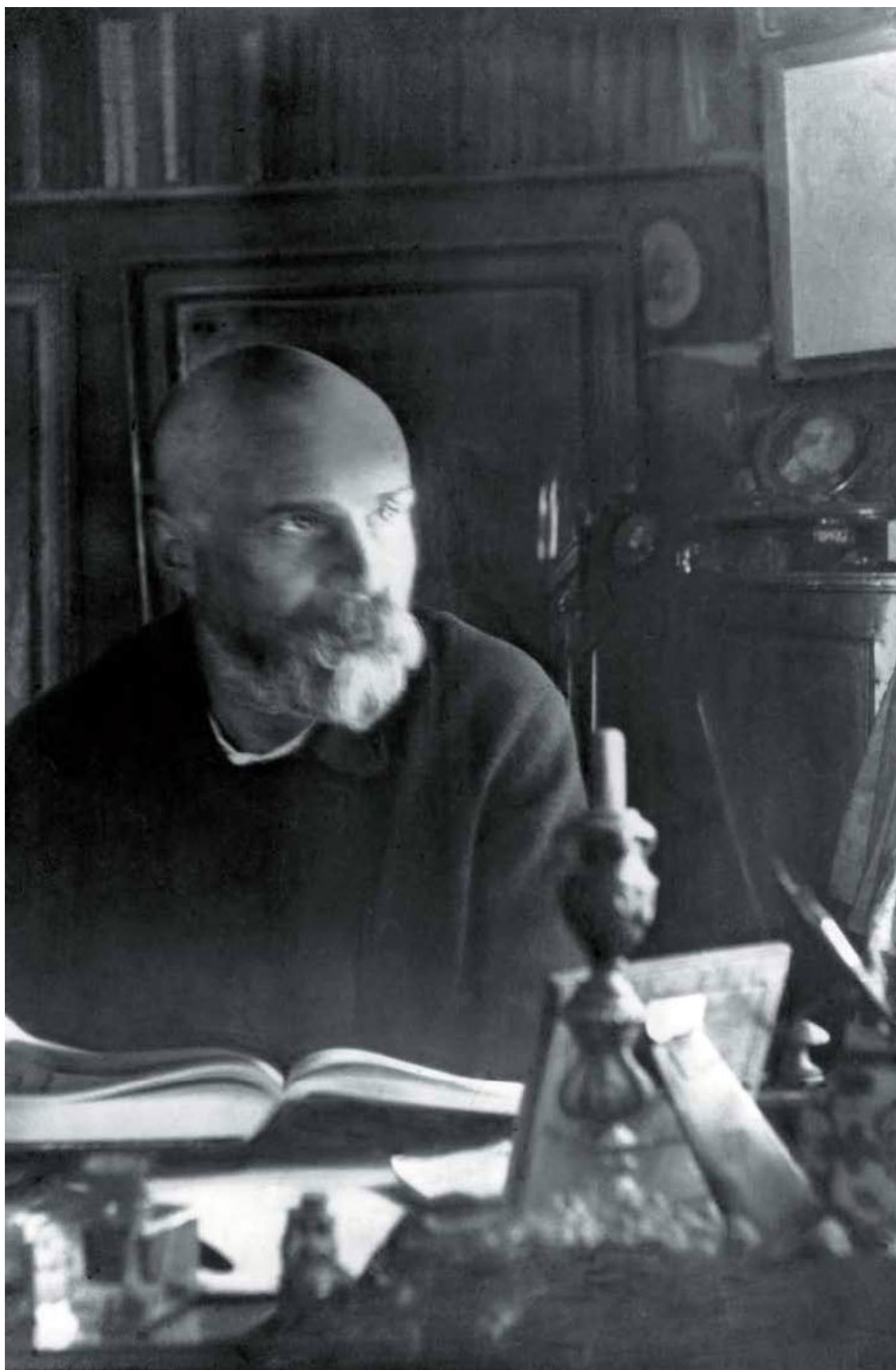
Из недавнего прошлого одной усадьбы

© Вздорнов Г. И., 2009

© Изд-во «Индрик», 2009

© Коноплев А. Б., 2009

* * *

INSANIA

Графу Ю. А. Олсуфьеву

Воскресшей памятью, к истлевшим именам
Я уходил, неосторожный,
В померкшие поля, по стертым ступеням.
С душой тоскующей мешая фимиам,
Как с этой пылью придорожной.
В туманной прелести морская полоса,
Сквозь дым скользящий, протекала,
И ветер шевелил и трогал волоса,
И утра брезжила тревожная краса,
Вставало солнце – и сверкало.
И в дымной пристани проснулись корабли,
В песок окутанные вязкий.
Их крылья в небосвод подняться не смогли.
И маки темные стоят. И отцвели
У мутных вод забытой ласки.
Отчалить медленно на чутком корабле?
Соленый ветер развевался.
Но снасти сплетены в запутанном узле.
Остаться... Или плыть к невидимой земле?
И я стоял – и колебался:
Там гордых мучениц горячая тоска
Свою любовь запечатлела
За медной тишиной и тяжестью замка.
Да не дотронется случайная рука
Их недоступного предела.

Василий Комаровский
1909

О Юрии Александровиче Олсуфьеве

Автор публикуемых воспоминаний – Юрий Александрович Олсуфьев – человек далеко неординарной судьбы. Аристократ по рождению, юрист по образованию, человек разносторонних гуманитарных знаний, он вошел в историю отечественной культуры как замечательный ученый-медиевист, выдающийся организатор музейного и реставрационного дела. В воспоминаниях он обнаруживает еще одну грань своего таланта: «Из недавнего прошлого одной усадьбы» (или, по другому предполагавшемуся названию, «На слиянии двух рек») – превосходный образец мемуарной литературы, источник разнообразных сведений по истории русской жизни конца XVIII, XIX и отчасти начала XX века. Но не только историческая добросовестность определяет существо воспоминаний Ю. А. Олсуфьева. Они дают на редкость сочную картину дворянского усадебного быта эпохи, которая почти не нашла своего воплощения в мемуарной литературе. «Из недавнего прошлого» – неповторимое свидетельство о деревенской, а отчасти и столичной жизни такой России, которая навсегда исчезла в годы первой мировой войны и двух революций – Февральской и Октябрьской. Воспоминания написаны на пятом году Октября, но уже тогда они воспринимались как сон, как «не может быть».

Воспоминания «Из недавнего прошлого» имеют подзаголовок «Буецкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года». Речь идет о родовой усадьбе Олсуфьевых Красные Буйцы в Епифанском уезде Тульской губернии. Расположенная, по-старому, на северных рубежах Дикого поля, при слиянии рек Буйчика и Непрядвы, эта усадьба впервые упомянута под 1663 годом, когда она была пожалована царем Алексеем Михайловичем одному из предков Юрия Александровича. Первый усадебный дом и каменная церковь в Буйцах, развалины которой сохраняются и по сей день, были выстроены в конце XVIII века по инициативе князя Александра Михайловича Голицына – вице-канцлера и обер-камергера Екатерины II, известного также своими благотворительными начинаниями в Москве. Но до второй половины XIX века Буйцы почти не использовались для постоянного пребывания семьи Олсуфьевых, члены которой жили либо в Петербурге, либо в Москве. Впервые Буйцы были основательно приспособлены для летнего отдыха родителями Юрия Александровича в 60–70-х годах XIX века, а местом постоянного жительства они сделались только в начале следующего, уже XX столетия.

Юрий Александрович Олсуфьев родился в 1878 году в Петербурге на Фонтанке, 14. Этот трехэтажный дом напротив Михайловского замка и наискосок от Летнего сада был построен в XVIII веке, но позже переделан А. И. Штакеншнейдером и А. В. Щусевым и в таком виде существует теперь. Родителям Ю. А. Олсуфьева принадлежал верхний этаж дома, откуда впоследствии, после смерти отца в 1907 году, были вывезены многие старинные и памятные предметы, украсившие Олсуфьевскую усадьбу в Буйцах. Отец – граф Александр Васильевич Олсуфьев – принадлежал к известному дворянскому роду, представители которого, по разысканиям Юрия Александровича, упоминаются в источниках с XVI века; мать – Екатерина Львовна – была урожденная графиня Соллогуб, предки которой имели румынское происхождение. Как и всякая высокопоставленная петербургская дворянская семья, родители Юрия Александровича были тесно связаны с жизнью царского двора: отец был генерал-адъютантом и гофмаршалом при Александре III и Николае II и умер в должности управляющего придворной частью Московского Кремля. Да и сам Юрий Александрович, вплоть до окончания университета, числился в «золотой» молодежи, в «белоподкладочниках». Воспитываясь в придворной семье, он был товарищем детских игр великих князей – сыновей Александра III; особо доверительные отношения сложились у него с младшей дочерью императора – великой княжной Ольгой Александровной, тогдашний облик которой запечатлен на известном портрете В. А. Серова и чей фотографический портрет с автографом до сих пор сохраняется в семье наследников Юрия Александровича. В детстве и молодости Ю. А. Олсуфьеву случалось не раз общаться

с Александром III и вдовствующей императрицей Марией Феодоровной, а затем с Николаем II и Александрой Феодоровной. Не удивительно, что после женитьбы в 1902 году на Софье Владимировне Глебовой (из рода Облагини) ему, не занимавшему в отличие от отца и деда никакой придворной должности и не служившему в гвардии, пришлось все же примириться с назначением Софьи Владимировны фрейлиной при дворе молодой императрицы.

Олсуфьевы могли гордиться замечательными представителями своей семьи. По обычаю роднясь с другими дворянскими фамилиями, они были теснейшим образом связаны с Васильчиковыми, Голицыными, Горчаковыми, Толстыми, Трубецкими, Долгорукими, Зубовыми, Мейендорфами, Розенами, Салтыковыми и многими-многими другими известными в российской истории титулованными родами. Один из предков Юрия Александровича – Василий Дмитриевич Олсуфьев – был гофмейстером Петра Великого, упомянутый прапрадед князь Александр Михайлович Голицын – основателем Голицынской больницы и картинной галереи при ней, другой прапрадед – адмирал Григорий Андреевич Спиридов – героем Чесменского сражения с турецким флотом. Наряду с государственными и общественными деятелями XVIII–XIX веков на страницах воспоминаний длинной чередой проходят и иные лица: родной дядя автора Алексей Васильевич Олсуфьев – кавалерийский генерал и вместе с тем знаток римской литературы, переводчик Марциала, друг Фета; Василий Алексеевич Комаровский – поэт; его брат Владимир Алексеевич – художник; сводный брат и друг Юрия Александровича Петр Иванович Нерадовский – художник-портретист и хранитель Русского музея, постоянный обитатель и фотолетописец буюцкой жизни. Перед нами с большей или меньшей отчетливостью высвечиваются десятки лиц, сопровождаемые пристрастной, но всегда умной оценкой автора воспоминаний, не впадающего в какие-либо крайности и «окончательные» характеристики, которыми так страдают мемуары современников. Тут, несомненно, сказываются прочные традиции воспитания Ю. А. Олсуфьева, основанного на чисто английском сдержанном отношении к личности другого человека.

Записки Ю. А. Олсуфьева не являются воспоминаниями в общепринятом смысле этого слова. Если подавляющее число мемуаристов ставит своей целью обрисовать окружающее их общество, выделить наиболее яркие жизненные ситуации, вскрыть или хотя бы назвать явные и тайные причины совершающихся событий, в «Недавнем прошлом» на удивление мало признаков внешней среды: это прежде всего жизнь семьи. В какой-то мере это перекликается с «Семейной хроникой» Т. А. Аксаковой-Сиверс, но последняя, в силу самой биографии Татьяны Александровны, обладает значительно большей пространственно-временной и биографической насыщенностью. В воспоминаниях Юрия Александровича – узкая география: почти все внимание сосредоточено на усадьбе Красные Буйцы. Здесь на первом плане не люди, а вещи. Только отталкиваясь от вещей, предметов искусства и быта, автор возвращает свою память к родным, друзьям и знакомым – предкам и современникам. Здесь, наконец, полностью отсутствует эпоха революции, определившей спустя полтора десятка лет смертный конец автора и Софьи Владимировны Олсуфьевой.

Нет нужды пересказывать комментируемый текст воспоминаний. Но необходимо сказать о последующей судьбе Буюц и их обитателей.

Красные Буйцы, несмотря на почтенную старину усадьбы, никогда не были ни памятником архитектуры, ни памятником истории. Хотя основная часть жилого дома была выстроена в XVIII веке, к моменту окончательного водворения Олсуфьевых в Буйцы она уже была значительно осовременена, а при Юрии Александровиче окончательно потеряла облик сооружения классической эпохи: все было принесено в жертву комфортабельности. Поселившись в деревне на долгие годы, Ю. А. Олсуфьев постепенно завел образцовое помещичье хозяйство (в частности, конный завод), снабдил его заграничными машинами, применил передовую технологию обработки почвы и выращивания зерна, пригласил в качестве управляющего имением трудолюбивого и понимающего немца, отстроил неподалеку от дома здание конторы, детский приют

и школу. Недаром воспоминаниям предпослан эпитафия из Пушкина: «Звание помещика есть та же служба».

Многолетние старания создать цветущую усадьбу дали свои плоды. Буйцы сделались не только удобными во всех отношениях для семьи Олсуфьевых и их гостей, но и источником порядочного дохода. Благодаря собственным трудам Юрий Александрович и Софья Владимировна вели далеко не скучную жизнь: ежегодно ездили за границу, регулярно выезжали в Петербург и Москву, поддерживали великосветские связи, заказывали дорогие безделушки у Фаберже и портреты у Серова, строили и меценатствовали и даже, как в прежние дореформенные времена, держали гончих и устраивали в соседних полях и лесах многолюдные охоты. Можно напомнить, что при личном участии Ю. А. Олсуфьева на Куликовом поле вблизи Буец был сооружен архитектором А. В. Щусевым храм-памятник во имя Сергия Радонежского, а С. В. Олсуфьева многое сделала для учреждения здесь монастырской общины и мастерских шитья. Даже в годы первой мировой войны, находясь на Кавказе, Олсуфьевы не прекращали благотворительной деятельности. Софья Владимировна восстановила древний грузинский монастырь в окрестностях Тифлиса и заказала для монастырской церкви из мореного буецкого дуба иконостас по рисункам В. А. Комаровского.

Прочная, уютная и счастливая жизнь в Буйцах, длившаяся для Юрия Александровича почти с момента его рождения (он был привезен в Буйцы шестимесячным ребенком в 1879 году), а для Софьи Владимировны с года ее замужества, кончилась сразу после Февральской революции, иными словами – после отречения царя от власти и стихийного выступления народных масс. Выходец из среды дворянской элиты, Юрий Александрович с женой и четырнадцатилетним сыном буквально бежал из родового гнезда и уже никогда более не возвращался в Буйцы. В главном доме и флигеле все оставалось примерно в том виде, как это было в предшествующие годы. Лишь отдельные, наиболее ценные предметы через преданных слуг, ставших как бы членами семьи, удалось постепенно переместить в новый дом, купленный Олсуфьевыми в Сергиевом Посаде под Москвой. Как правило, это была не антикварная немецкая, датская и голландская мебель, отданная ими в 1917 году в монастырь на Куликовом поле, не картины и книги, а серебро, рукописи, миниатюры, родовые реликвии небольшого размера, фамильные документы, фотографии, памятные подарки друзей. Много же другое – за исключением, пожалуй, серовского портрета Софьи Владимировны, спасенного несколько позже П. И. Нерадовским, – было вскоре расхищено, продано, сожжено. И все-таки отдельные вещи попали в государственные музеи. Так, в частности, большой портрет Миши Олсуфьева, написанный Д. С. Стеллецким в 1913 году, десятилетиями хранился в Епифанском краеведческом музее, пока, наконец, в 1956 году (после ликвидации Епифанского музея) он не был передан в Тульский музей изобразительных искусств.

Послереволюционный быт Олсуфьевых сложился по примеру многих «бывших»: они, особенно на первых порах в Сергиевом Посаде, немало бедствовали и никогда не были уверены в прочности дальнейшего существования. Надо, однако, отдать должное Юрию Александровичу: уже в 1918 году он активно включается в новую жизнь и начинает сотрудничать в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, а затем и в Сергиевском историко-художественном музее. При поддержке Софьи Владимировны и сына Миши он готовит к изданию древние рукописи по истории лавры и одно за другим публикует описания художественных коллекций монастыря. За десять лет он опубликовал более двадцати книжек – примерно две трети всей печатной продукции Комиссии и Музея. Столь активной издательской деятельности способствовали, правда, новизна самого дела и энтузиазм научного коллектива, где бок о бок с Ю. А. Олсуфьевым работали также П. А. Флоренский, С. П. Мансуров, П. Н. Каптерев, И. Е. Бондаренко, Т. А. Александрова-Дольник, М. В. Шик, А. Н. Свиринов.

С 1928 года, когда началась «культурная революция» и поход воинствующего атеизма на прежние ценности, обстановка в Сергиевском музее резко ухудшилась, причем на первых

порах пострадали не столько экспозиции, разработанные Ю. А. Олсуфьевым и другими работниками музея, сколько их авторы. Дворянское происхождение и родственные связи Олсуфьевых стали настолько одиозными, что под угрозой ареста Юрий Александрович однажды не возвращается из Москвы в Сергиев, а спустя некоторое время устраивается по предложению И. Э. Грабаря в московские Центральные государственные реставрационные мастерские. Распрощавшись с капитальным домом на Вальной улице в Сергеевом Посаде, Олсуфьевы переезжают сначала в Котельники под Москвой, затем в деревянный половинный домик в деревне Мешаловка, примерно в пяти километрах от железнодорожной станции Люберцы, и, наконец, в Косино. При тогдашних совсем не совершенных способах сообщения с Москвой Ю. А. Олсуфьеву приходилось добираться до места службы пешком и пригородными поездами, но мешанская среда подмосковных рабочих поселков была надежным укрытием для семьи, уже напуганной первыми арестами, ссылками и расстрелами. На уцелевших любительских фотографиях тридцатых годов мы видим Ю. А. Олсуфьева за починкой дымовой трубы и вскапыванием огорода, и он мало чем отличается по внешнему своему виду от обитателей пригорода. Вряд ли кому приходило в голову, что в тесных комнатках мешаловского домика, за всегда задернутыми занавесками, живут сын бывшего коменданта Московского Кремля и фрейлина последней императрицы России.

В Центральных государственных реставрационных мастерских Ю. А. Олсуфьев занял должность эксперта по древнерусской живописи. Некоторая неопределенность основной направленности работы давала повод привлекать его к решению любых научно-реставрационных и производственно-бытовых задач. Покойный знаток архитектурной истории Москвы В. С. Попов, сотрудничавший в тех же мастерских и почти ежедневно встречавшийся с Ю. А. Олсуфьевым, вспоминал, что тот был постоянно занят разнообразной текущей работой: заполнял карточки по учету памятников монументальной и станковой живописи «для ведшегося им обширного каталога», определял накопившиеся за предыдущие годы негативы, вел журналы расчистки икон, вызывался на советы по реставрации шитья, писал научные отчеты о командировках в старые русские города. По рассказам реставратора Н. Я. Епанечникова, часто сопровождавшего Ю. А. и С. В. Олсуфьевых в таких поездках, их жизнь в экспедиционных условиях «поражала своей скромностью и нетребовательностью в пище, ограничивавшейся часто вареной мелкой рыбешкой и картофелем, порою даже без растительного масла».

В 1934 году московские мастерские были упразднены по причинам, не имевшим с наукой ничего общего. Но поскольку ликвидировать реставрационную практику в целом значило бы поставить под удар сохранность всех музейных коллекций, Наркомпрос РСФСР распорядился сосредоточить часть бывших работников мастерских в Третьяковской галерее. Именно здесь – в должности заведующего секцией реставрации древнерусской живописи – Ю. А. Олсуфьев провел последние четыре года своей жизни. Как и прежде, он много времени уделял изучению иконописи и обследованию провинциальных коллекций на предмет выявления наиболее выдающихся произведений. Еще большей заботы требовали теперь памятники монументального искусства. Маршруты его поездок – Новгород, Псков, Старая Ладога, Ярославль и другие исторические города. С необыкновенной энергией он исследует причины заболевания отдельных фресковых циклов, технику их исполнения и технологические приемы их консервации и реставрации, руководит экспедиционными группами, пишет необходимые отчеты и рекомендации ведения дальнейших работ, готовит к публикации статьи по древнерусской фресковой и станковой живописи. Он становится наиболее авторитетным специалистом и по иконописи, и по стенописи, по технике их исполнения и реставрации. Его фундаментальная работа «Вопросы форм древнерусской живописи», печатавшаяся в 1935 году в журнале «Советский музей», до сих пор остается наиболее ценным исследованием формообразующих приемов древнерусского художника.

Юрий Александрович Олсуфьев разделил судьбу тысяч своих современников. Как стало известно совсем недавно, он был арестован 24 января 1938 года, а 7 марта «за распространение антисоветских слухов» (статья 58, пункт 10, часть 2 УК РСФСР) постановлением тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 марта 1938 года. А четыре года спустя, 1 ноября 1941-го, арестовали и Софью Владимировну Олсуфьеву: когда в октябре 1941 года возникла реальная опасность захвата Москвы немцами, она оказалась в числе неблагонадежных, которыми в первую очередь считались бывшие аристократы. Как и ее мужу, ей предъявили аналогичное обвинение и приговорили к лагерям сроком на десять лет. Колонна заключенных, в которой вместе с С. В. Олсуфьевой оказался и художник В. М. Голицын, дошла до Казани. По данным следственного дела, Софья Владимировна скончалась в превращенном в концлагерь бывшем Свяжском монастыре 15 марта 1943 года. Аналогичный конец ожидал бы, скорее всего, и сына Олсуфьевых Михаила Юрьевича, но ему выпала другая карта. С разрешения родителей он еще в 1924 году тайно – через Владивосток и Китай – эмигрировал из СССР и осел в королевской Румынии, где Олсуфьевым, по линии бабушки Марии Николаевны, урожденной Россети-Розновано, принадлежали значительные земли, в частности благоустроенная усадьба Кишло в Бессарабии. Румыния надолго стала второй родиной младшего Олсуфьева, пока по семейным обстоятельствам он не эмигрировал вторично – теперь уже из Румынии Чаушеску – в Париж. Здесь он и скончался в 1984 году. По слухам, Михаил Юрьевич был вынужден бросить свой двухэтажный дом в Бухаресте, как и его родители дом в Буйцах, на произвол судьбы, с той только существенной разницей, что особняк в румынской столице уже не был настолько наполнен семейными реликвиями, как усадьба Красные Буйцы.

Рукопись Ю. А. Олсуфьева «Из недавнего прошлого одной усадьбы» сохранилась в его архиве, разрозненные части которого находятся ныне по меньшей мере в трех или четырех московских музеях и библиотеках. Воспоминания существуют в двух экземплярах: первый экземпляр, автограф, принадлежит Отделу рукописей Российской Государственной библиотеки (ф. 218, № 175.1), а второй (авторизованная копия Ольги Александровны Бессарабовой) находится в частном собрании в Москве. В подлинной рукописи 110 листов большого формата, заполненных, как правило, с обеих сторон, в копии – 107 листов. В обеих рукописях помещен план Бущацкого дома, исполненный рукою Ю. А. Олсуфьева и имеющий подробные указания на предназначение всех более чем двадцати комнат главного дома и флигеля.

Воспоминания Ю. А. Олсуфьева написаны в 1921–1922 годах в Сергиевом Посаде и менее чем через год помещены им в Отдел рукописей Румянцевской библиотеки. Так было сделано, конечно, для более надежного сохранения документа. Имеется пояснительная записка относительно возможной публикации воспоминаний следующего содержания: «В Государственную Румянцевскую библиотеку, в Отделение рукописей. Передавая при сем в Отделение рукописей четыре свои рукописи: 1) Общания, ч. I, II;

2) Из недавнего прошлого одной усадьбы;

3) Статистический отчет по Красному и Даниловке 907–912 и 4) Очерк одного хозяйства за десятилетний период до революции, я позволю себе выразить свою волю, чтобы в течение 25 лет со времени отдачи этих рукописей в Румянцевскую библиотеку право их издания принадлежало бы исключительно мне или сыну моему Михаилу Юрьевичу Олсуфьеву, а затем – кому угодно с условием издания без пропусков. Юрий Александрович Олсуфьев, 2 мая 1923 года» (ф. 218, № 175.6).

Любопытные подробности о первоначальной истории воспоминаний сообщают некоторые письма Ю. А. Олсуфьева, который, кстати сказать, не любил писем и писал их в случаях крайней необходимости. Когда весной 1922 года Олсуфьевы получили от П. И. Нерадовского чудом вызволенный из разграбленного Бущацкого дома портрет С. В. Олсуфьевой, написанный В. А. Серовым, Ю. А. Олсуфьев в благодарственном письме Петру Ивановичу

сообщил о только что завершённой им рукописи: «Сидя у себя в Посаде, я отдался прошлому и написал свои воспоминания. Быть может, когда-нибудь их издам. В них очень часто, но легко упоминается Вы» (Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 31, № 1132, л. 1). Год спустя мы находим ещё одно упоминание о записках. В письме от 13 декабря 1923 года на имя хранителя Отделения рукописей Румянцевской библиотеки Г. П. Георгиевского Ю. А. Олсуфьев выразил очевидную надежду на публикацию записок: «Что касается моего маленького романа, написанного несколько месяцев тому назад, о котором мы с Вами беседовали, то я думаю его назвать “На слиянии двух рек”; это тема, которая много раз повторяется в содержании и в некотором смысле даже символична» (Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки, ф. 218, № 175.7, л. 1 об.). В том же письме Ю. А. Олсуфьев извещает адресата, что он находится в Москве, но отбывает «в свой мирный и безмятежный Посад». Но минуло совсем немного лет, и Сергиев Посад перестал быть и мирным, и безмятежным, а мечты о публикации воспоминаний отошли в такое же прошлое, как и сами воспоминания.

Публикуя их теперь, более восьмидесяти лет спустя после завершения рукописи, я обязан сделать следующие пояснения. Согласно воле автора, записки издаются без купюр; сокращенно написанные слова, названия, имена и намеренно зашифрованные фамилии дополняются в угловых скобках. Переводы с французского, английского, итальянского и латинского консультировались С. Ю. Завадовской, причем в переводах даны лишь наиболее существенные фразы и выражения, проясняющие смысл текста. Чтобы отделить переводы от текстологических примечаний издателя, они включены непосредственно в текст и подобно другим конъектурам заключены в прямые скобки. Написание ряда общеупотребительных слов приведено в соответствие с нынешними орфографическими нормами (например, коридор, а не корридор; галерея, а не галлерей и т. п.). Слегка изменена пунктуация и – согласно содержанию – местами открыты новые абзацы в тексте. Все это не меняет, конечно, ни стилистики, ни общего характера текста. Работа публикатора осложнилась, правда, тем, что текст второго экземпляра (копии) обнаруживает некоторые расхождения с автографом. Очевидно, автор, неоднократно обращаясь к оставшейся у него копии, вносил в нее отдельные изменения, дополняющие, сокращающие либо, наконец, уточняющие текст автографа. В этом последнем, в свою очередь, встречаются редкие поправки, отсутствующие в копии, время которых следует определить промежуточной стадией работы над рукописью, когда оригинал и копия еще не разошлись по разным архивохранилищам. Это обстоятельство потребовало от меня сверки обеих рукописей и внесения в публикуемый текст разночтений с копией (в издательских примечаниях фамилия Ю. А. Олсуфьева обозначена инициалом О, а фамилия О. А. Бессарабовой – инициалом Б).

Текст воспоминаний подготовлен мною в сотрудничестве с А. К. Митюковой и Ф. И. Павловой. Немало ценных указаний я получил от Е. П. Васильчиковой и А. В. Комаровской. Архивные фотоснимки извлечены из фотоальбома «Красные Буйцы» и остатков большого фотоальбома П. И. Нерадовского, которые находятся в одном из частных собраний в Москве. Там же сохранились и отдельные предметы из Буюцкой усадьбы. Но значительная их часть, как уже говорилось, поступила в Тульский художественный музей, где они выявлены мною с помощью сотрудников этого музея М. Н. Кузиной и Л. В. Чербы. Фотоснимки двух портретов из Русского музея получены стараниями М. Г. Малкина и Г. А. Поликарповой. Фотографический материал для публикации подготовлен В. А. Соломатиным. Всем названным лицам публикатор считает своим долгом выразить сердечную благодарность.

* * *

В июне 1991 года исполнилось мое давнее желание посетить места, описанию которых посвящены десятки страниц «Воспоминаний» Ю. А. Олсуфьева. Если Куликово поле и храм

Сергия Радонежского близ обелиска на Красном холме приведены ныне в почти идеальное состояние, то село Красное, или Красные Буйцы, оставляет тягостное впечатление. Нет, пожалуй, другого места Тульской области, где контраст между дивным по красоте ландшафтом и чудовищным по безобразию строительством воспринимался бы так, как это воспринимается в Буйцах. Хутор Кичевка, на который открывался вид с южной стороны усадьбы Олсуфьевых, превратился в центральную часть дикого по бесплановости поселка с населением около полутора тысяч человек. Земля разрыта тяжелой техникой, дороги разбиты, типовые дома выстроены без всякого участия художника и архитектора. Непрядва и Буйчик заросли ивняком до полной неузнаваемости их русел. Не избежала печальной участи запустения и усадьба Олсуфьевых: на месте пострадавшего от пожара так называемого «большого» дома, теперь целиком разрушенного, выстроена новая больница, которая никак не вписывается в окружающий пейзаж; от Олсуфьевского дома уцелела только его крайняя западная часть – отдельно стоящий флигель; хозяйственные сооружения из белого камня, датируемые еще XVIII веком, не сегодня-завтра развалятся от заполняющих их гаражей; церковь вконец обезображена, ее колокольня и купол снесены, а кладбище и могилы родителей Ю. А. Олсуфьева давно разрыты и ликвидированы. Вся местность, где прежде цвели сады и благоухали травы, превращена в подобие свалки, а подлинная свалка устроена как раз там, где находился Олсуфьевский дом. И только случайно сохранившийся коридор «нижней» гостиной, пол которого был выстлан квадратными черными и белыми плитками, указал мне на расположение восточного флигеля. Найдутся ли люди в Буйцах, Елифани и Туле, которым была бы небезразлична судьба Олсуфьевской усадьбы и которые займутся ее восстановлением? И приведением в порядок Красных Буец в целом, благо Буйцы и их окрестности в скором времени должны войти в российский национальный парк «Куликово поле», начало которому, по существу, было положено именно семейством Олсуфьевых.

Г. И. Вздорнов

Ю. А. Олсуфьев **Из недавнего прошлого одной усадьбы**

Из недавнего прошлого одной усадьбы **Буюцкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года**

Посвящаю жене моей гр. С. В. Олсуфьевой

«Поминовение» есть путь к оживотворению, поэтому и воспоминание до некоторой степени оживляет, причащает к жизни, воскрешает¹. Все злое как таковое и чуждое жизни по существу не может входить в круг творчески воспринимаемого, а, наоборот, все доброе и потому жизненное подлежит быть творчески возносимым к жизни.

Воспоминовое² должно быть завершённым, причем завершённым в прошлом, отсюда – то грустное, что всегда сквозит в воспоминаниях: прошлое покрыто тенью смерти, и оно воскресает в слезах разлуки...

Таким завершённым в моем прошлом – жизнь в Буйцах, образы которой светлой чередой встают в моей памяти.

Звание помещика есть та же служба.
Пушкин³

Наша усадьба была расположена на высоком левом берегу реки Непрядвы, приблизительно с версту ниже устья впадающей в нее речки Буйчика. Дом был одноэтажный, длинный; он состоял из трех частей: из средней, деревянной, и из двух почти одинаковых кирпичных флигелей с мезонинами по сторонам средней части; только флигель, который был с восточной стороны, был соединен со средней частью дома так называемой «нижней» гостиной и огибавшим ее с северной и западной стороны коридором, тогда как западный флигель стоял отдельно.

---

¹ Далее в копии рукой О. вычеркнут следующий текст: «Этот переход от небытия в известном смысле к бытию дается действованием душевным, которое мы должны отнести к творчеству».

² Далее в копии рукой О. вычеркнуто: «как первообраз творческого воздействия».

³ Цитата из «Романа в письмах» А. С. Пушкина. В оригинале «Воспоминаний» эпиграфа нет, он вписан рукой О. в копию.

Красные Буйцы. Слева на дальнем плане церковь Архангела Михаила, в центре – двухэтажное здание конторы, справа – дом Олсуфьевых. Конец XIX века. Частное собрание, Москва

Дом был обращен на юг. Средняя, деревянная часть, построенная еще в XVIII столетии из липы, вероятно, своих же буюцких лесов, и восточный флигель были оштукатурены и выкрашены в светло-розовый цвет, а западный флигель был выбелен по кирпичу; окна дома были белые за исключением окон западного флигеля, которые были выкрашены в светло-желтый, кремовый цвет; у южных окон средней части и восточного флигеля были зеленые ставни; с южной стороны той же средней части и восточного флигеля было два балкона с белыми круглыми колонками в духе скромного деревянного Empire; балкон среднего дома по сторонам и спереди, за исключением входа в него, был застеклен в косую клетку, а балкон флигеля с боковым входом с западной стороны был открытым: в конце лета он зарастал со всех сторон выющим растением с желтенькими цветочками, название которого я не знаю. С севера дома было три балкона: у средней части – с колонками и не застекленный, а у флигелей – в виде крылечка на квадратных столбиках; такое крылечко у западного флигеля служило единственным входом в этот флигель; полы балконов и ступени были выкрашены в серую или, скорее, в сизую краску. Главный подъезд дома был с севера и вел в коридор, который соединял восточный флигель с средней частью; этот подъезд в виде крыльца был выстроен к нашей свадьбе по рисунку нашего друга П. И. Нерадовского в русском стиле; он был с двумя пузатыми колонками, с массивной дверью черного дуба, добытого в окрестностях Буюц из шлюзов, построенных Петром I на Дону; у двери снаружи вместо ручки было тяжелое медное кольцо; в боковых стенках крыльца было два арочных оконца с оконными переплетами кружками; крыша в косую клетку образовывала высокий фронтон. Таков был вид этого крыльца, когда мы приехали в Буйцы с С⁴ вскоре после нашей свадьбы в сентябре 902 года; но пузатые колонки

---

⁴ С. – моя жена, графиня Софья Владимировна Олсуфьева, рожденная Глебова (рода Облагини), родилась в 1884 г. 3 июня в Узком, подмосковной Трубецких; фрейлина; замужем с 4, сентября 902 года; дочь Владимира Пет-

нам скоро надоели: они не шли к общему стилю, или, скорее, бесстилю дома, и мы переделали их на толстые квадратные пилястры; тогда же крыша была спущена вместо фронтона третьим скатом наперед, что придало всему крыльцу более уютный вид и связало его с домом.

С западной стороны средней части дома было небольшое деревянное крылечко, выкрашенное в белый цвет, которое служило черным ходом. Дом был покрыт зеленой железной крышей, трубы были тоже зеленые, причем на трубах средней части были небольшие зеленые розетки. Летом, местами, дом обрастал различными вьющимися растениями, причем особенно хороши были клематисы с сине-лиловыми колокольчиками, а с южной стороны, перед «нижней» гостиной, из года в год ставились длинные зеленые ящики с вьющейся геранью, привезенной черенками моею покойною матерью из Алжира, где в 90-х годах у моих родителей была премилая вилла «Lablabdjî» в Moustapha Supérieur [«Уединение» в Верхней Мустафе], купленная для моей матери. Мой покойный отец шутя называл эту виллу своей подмосковной.

Таким был внешне наш незатейливый дом, где я провел счастливые годы детства и где мы с С<оней> так мирно, так полно прожили до тяжелых годин великой войны и рокового 17-го года.

Впервые я привезен был в Буйцы в 1879⁵ году, приблизительно шести месяцев, из Петербурга, где я родился в Олсуфьевском доме на Фонтанке⁶. С тех пор я проводил лета в Буйцах, где мы жили с моей матерью и бабушкой графиней Марией Николаевной Соллогуб (моя мать была <у>рожденна<я>⁷ графиня Соллогуб), а отец, состоя при г<осу даре>, лишь временами, всегда на короткий срок, приезжал к нам в Красное, как звали Буйцы мои родители; зимы мы жили в Петербурге; после женитьбы и по окончании мною университета мы с С<оней> решили совсем поселиться в милых Буйцах⁸, куда меня всегда влекло с ранних лет моего детства.

Но я уклонился от описания дома и усадьбы.

Скажу еще о доме, что он был очень прост, светел, радостен; несколько раз переделанный, он был первоначально построен в XVIII столетии для приездов моих родичей, которые в Буйцах никогда постоянно не жили (Буйцы были превращены в жилое имение лишь моими родителями в середине 70-х годов), но об истории усадьбы я уже рассказал в своей книжке «Из прошлого села Красного, Буйцы тож, и его усадьбы».

В доме с флигелями было двадцать две комнаты, большею частью небольших, к описанию которых я и намерен приступить, сказав предварительно несколько слов об общем характере усадьбы.

ровича Глебова и Софьи Николаевны, рожденной кн<язны> Трубецкой. В. П. Глебов был предводителем дворянства в Епифанском уезде, в Каширском уезде, затем членом Государственного Совета по выбору.

⁵ Последние две цифры в копии зачеркнуты.

⁶ Дом на Фонтанке был куплен в 40-х годах XIX столетия моим дедом В. Д. Олсуфьевым у Юшкова, при назначении своем гофмаршалом к наследнику. Этот дом, второй от Пантелеймоновской улицы, был тогда особняком с садом. После кончины деда (в 1858 г<оду>) на месте сада был построен второй дом (ближе к Пантелеймоновской улице). Оба дома после смерти бабушки гр. Марии Алексеевны достались моему дядюшке гр. Адаму Васильевичу, затем моим двоюродным братьям гр. Михаилу и гр. Дмитрию Адамовичам. При них они приняли теперешний вид, переделанные А. В. Щусевым в начале 900-х годов. При покупке дома у Юшкова он был перестроен архитектором Штакеншнейдером. //

⁷ В копии слово написано полностью.

⁸ Мы жили с С<оней> почти круглый год в Буйцах, уезжая зимой, обыкновенно на праздники, в Москву к Глебовым на Молчановку, а затем на несколько недель за границу; летом, обыкновенно в июне, мы ездили к Глебовым в Тарасково, их имение Каширского уезда на Оке, где В. П. Глебовым был построен большой дом. В 1915 году я поехал на Кавказ в качестве уполномоченного Всероссийского Зем<ского> Союза, где после графа Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина и тов<арища> пред<седателя> Государственной Думы Варун-Секрета был назначен главным уполномоченным этого союза по Кавказу, Персии и областям Турции, входившим в район военных действий. С<оня> с сыном М<ишей> была тоже на Кавказе; мы жили в Мцхете, где С<оня> восстановила древнюю церковь во имя Успения Пресв<ятой> Богородицы; каменный иконостас был сделан по ее рисунку, а равно и царские врата из буецкого яблонного дерева; две иконы – Спасителя и Божией Матери – были написаны гр. Владимиром Комаровским; церковь эта в русском Ольгинском монастыре. Я пробыл на Кавказе до 1917 года, бывая в Буйцах с С<оней> лишь наездами, два-три раза в год; последний раз мы были в Буйцах в конце зимы 917 года.

Ю. А. Олсуфьев. Из прошлого села Красного, Буйцы тож, Архангельского прихода, и его усадьбы. 1663–1907. Москва, 1908. Обложка оформлена Е. Е. Лансере. Частное собрание, Москва

Плоский Епифанский большак, широкой полосой среди бесконечных полей, рассекая широкие села и перебираясь через полноводные реки по убогим и кривым мостам, минуя густые зеленые перелески из дуба или веселых берез, как-то вдруг выходит на просторное наше село: сначала видна белая колокольня, затем показываются белая церковь в духе Louis XVI с широким зеленым куполом⁹ и два ряда изб по обеим сторонам дороги, а далее, среди зелени садов – белые стены, крыши и службы усадьбы. Впереди дома с севера был когда-то просторный двор; теперь он весь засажен деревьями и кустами и потому дома не видно с дороги; вступишь в дом, выходишь на полукруглую площадку перед ним с юга и поражаешься красотой столь внезапно открывающегося вида: как бы с птичьего полета видна долина полноводной Непрядвы, которая течет тут сначала с юга на север, затем у мельницы делает крутой поворот на восток, протекает под самым бугром, на котором стоит усадьба, и бесконечными извилинами скрывается вдаль своих заливных лугов. На холме направо видна слобода других Буец с деревянной церковкой; несколько левее и внизу – слобода Богдановка со своими высокими соломенными крышами в темной зелени ветел; ближе к усадьбе – старая водяная мельница с раскидистыми ивами; впереди, за рекой – наш хутор Кичевка с его постройками голландского вида и поля; между хутором и рукавом Непрядвы Болдовкою, прямо перед домом – обширный яблочный сад, а влево, в конце долины – дубрава Терны, которая спускается к реке и заливным лугам, а еще дальше – снова села, поля и чуть заметные Себинские леса. Место поистине прекрасное, и становится понятным, почему село получило наименование Красного.

На высоком холме над мельницей сохранились следы древнего городища; исследователи предполагают, что оно еще дотатарского периода; по-видимому, тут в древние удельные времена был сторожевой городок князей Черниговского дома и как раз тут, быть может, проходила грань между княжеством Одоевским и Рязанским; до сих пор в конце долины Непрядвы, близ села Суханова, заметны следы древнего пограничного рязанского города Дорожена. Но я не буду затрагивать здесь истории нашего края; что же касается самих Буец, то скажу лишь кратко, что они были пожалованы в середине XVII века царем Алексеем Михайловичем моему предку, стольнику князю Якову Ефимовичу Мышецкому, что они были и во всем носили характер старой родовой вотчины со своими обычаями и привычками, быть может, столь же старыми, как вековые дубы Буецких лесов...

Вокруг дома был раскинут моей матерью декоративный сад, который состоял преимущественно из различных кустарных пород, главным образом из самых разнообразных сортов сирени и шиповника; кустарники красиво цвели в начале лета, превращая усадьбу в сплошную корзину благоухающих цветов; возле дома были клумбы из одноцветных групп летников, которые ежегодно выписывались моей матерью и которые впоследствии поддерживались С<о-ней>. С севера, за дорогой, на месте, где в былые годы стояли избы дворовых людей, был посажен, тоже моей матерью, большой фруктовый сад с прямыми аллеями, обсаженными березами и липами. Лишь так называемый «старый сад» с южной стороны западного флигеля существовал задолго до приезда моих родителей в Буйцы. Сады вокруг дома были так расположены, что нигде не заслоняли прекрасного вида, который и придавал основной характер всей усадьбе.

---

⁹ Церковь во имя Архистратига Михаила была построена в 1795 году моим прапрадедом князем Александром Михайловичем Голицыным. //

Красные Буйцы. Вид на долину реки Непрядвы из окна нашего дома. После 1902. Частное собрание, Москва

Но пора перейти к описанию комнат дома, какими мы оставили их в 17-м году, когда 5 марта мы покинули, быть может навсегда, нашу родную усадьбу.

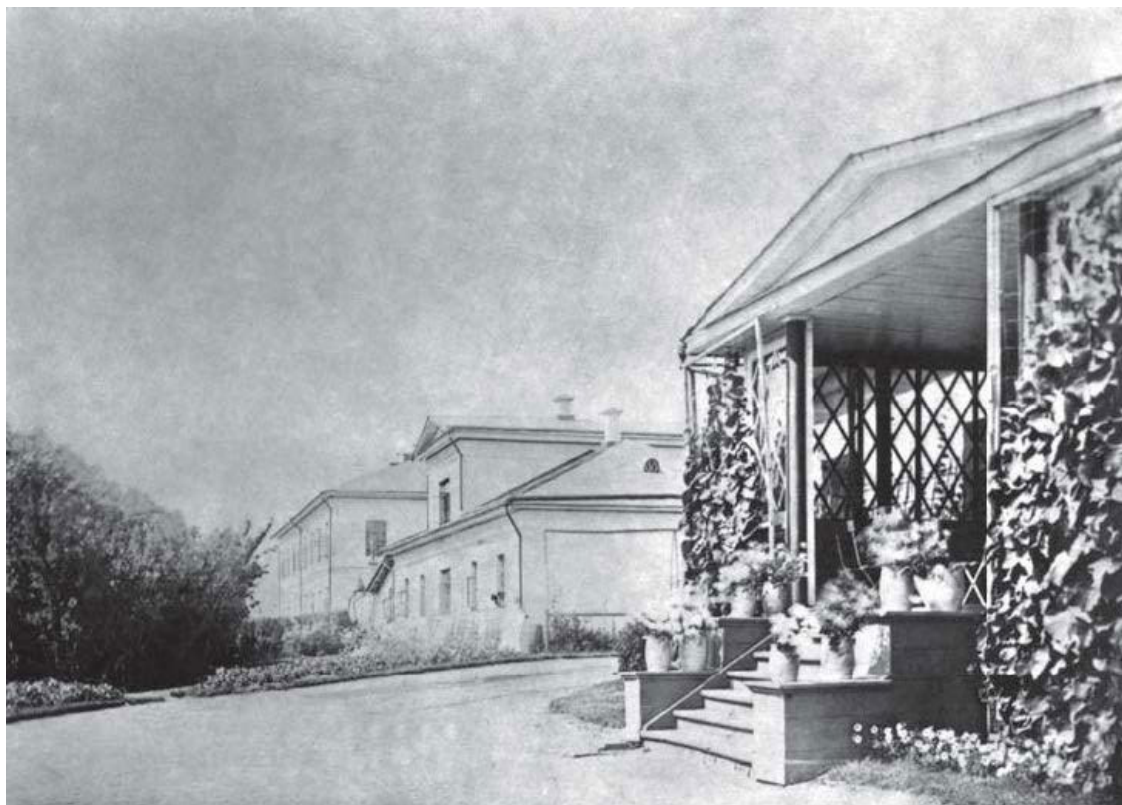
* * *

Начну с крайней комнаты дома, с нашей спальни в восточном флигеле. Это была просторная, светлая, скорее низкая комната во всю ширину дома с шестью окнами на юг, восток и север, из которых два, прилегавших к северо-восточному углу, были замуравлены. Окна были белые, со стеклами в косую клетку, как во всем восточном флигеле, а также и в части, которая соединяла этот флигель с средним домом; в остальных частях дома рамы были обыкновенные, в шесть квадратных звеньев. Окна спальни и вообще всего флигеля были небольшими; у них, как и у других окон дома, были белые деревянные внутренние ставни, которые заставлялись тяжелыми железными закладками с крючками. На окнах висели прямые, светлые, холщевые занавеси, вышитые цветочками в нашей мастерской шитья, устроенной С<оней> при детском приюте. Стены были выкрашены в светло-розовую клеевую краску. На полу был линолеум, по своему мелкому рисунку напоминавший соломенный мат. В спальне преобладала новая белая мебель в духе Louis XVI, заказанная к нашей свадьбе моей матерью у звенигородских кустарей по рисункам моей двоюродной сестры М. Васильчиковой¹⁰; кроме этой мебели в спальне стояла светлая карельская береза, заказанная для нас тоже моей матерью у петербургского мастера Комова, как и вся карельская мебель «нижней» гостиной. Белая мебель

---

¹⁰ Мария Александровна Васильчикова, старшая дочь Александра Алексеевича Васильчикова, в свое время директора императорского Эрмитажа, и тетушки Ольги Васильевны, сестры моего отца; фрейлина, была близка в начале царствования с императрицей Александрой Феодоровной; ей поручено было устройство императорских апартаментов в Зимнем дворце, автор неизданных мемуаров: «Madame Daria Alexandrovna Olsoufieff etc.», 1917.

была обита холстом, вышитым мелкими цветочками, как и занавеси. Постели были никелевые, местами покрашенные белым.

Красные Буйцы. Вид части дома Олсуфьевых с южной стороны. Справа стеклянный балкон с выходом из библиотеки и большой гостиной, Далее – отдельно стоящий флигель и двухэтажное здание конторы. Конец XIX века. Частное собрание, Москва

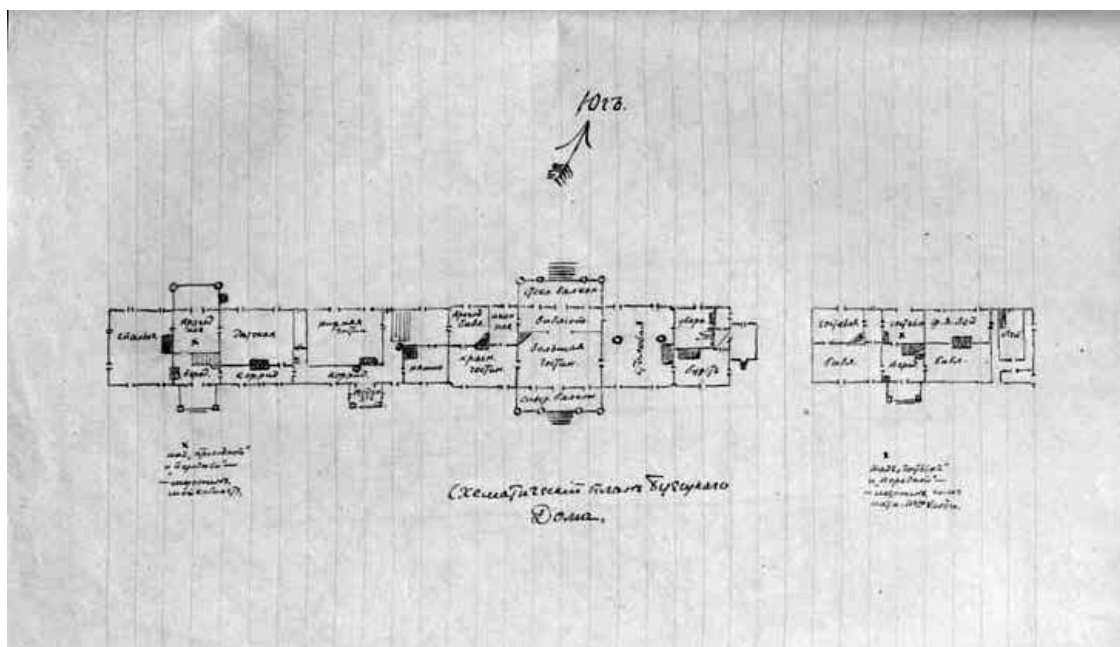
Но приступлю к более подробному описанию и постараюсь вспомнить все, что так уютно заполняло эту комнату. Как войти в спальню, влево от белой одностворчатой двери в западной стене, приходившейся почти рядом с юго-западным углом, стояло белое кресло; над ним были развешены орнаменты, сделанные темперой нашим другом графом Владимиром Комаровским¹¹; далее следовала большая прямоугольная кафельная печь, расписанная С<оней> гвоздиками; за этой печью вровень со стеною было зеркало другой печи, тоже кафельной, которая выходила в переднюю, откуда и топились; в ней был вставлен котел, нагревавший воду для спальни, в которую был проведен медный кран; тут стояла небольшая низенькая скамеечка, выкрашенная бурой краской, с медной дощечкой и надписью, что на ней графиня Мария Алексеевна (моя бабушка Олсуфьева)¹² кормила грудью своего младшего сына Александра (моего отца). Скамеечка прежде стояла в уборной моего отца на Фонтанке. Зеркало упомянутой печи было тоже расписано С<оней>, на этот раз – тюльпанами. В простенках между двумя печами висело небольшое масло в золоченой рамке – гуща сада и уединенная дорожка, вещь почему-

---

¹¹ Графы Василий и Владимир Алексеевичи Комаровские были сыновьями гр. Алексея Егоровича и жены его, рожденной Безобразовой.

¹² Гр. Мария Алексеевна Олсуфьева, моя бабушка, была рожденная Спиридова, р. 1801, † 1878. Ее отец, адмирал Алексей Григорьевич Спиридов, женатый на фон Швепс, был долгое время командиром порта в Ревеле. Связи с Ревелем у бабушки были настолько крепки, что дед мой Василий Дмитриевич был принят в Эстл<яндское> двор<янт>во, и Олсуфьевский герб нашел себе место в Ревельском риттер-зале.

то понравившаяся моему отцу и купленная им на какой-то выставке. Выше зеркала печи было развешено несколько детских акварелей нашего сына М<иши>¹³ – сказочные терема. Вправо от двери, на простенке между дверью и углом, насколько я припоминаю, висел мой портрет акварелью, сделанный Дмитрием Семеновичем Стеллецким в один из частых приездов его в Буйцы в 10-х годах, а над ним – рисунок карандашом в ореховой овальной рамке «мамушки», няни моего отца, которая еще прежде была нянюшкой у Хилковых.

План дома Олсуфьевых в Красных Буйцах. Чертеж Ю. А. Олсуфьева с указанием названий комнат. Из экземпляра «Воспоминаний» в Российской Государственной библиотеке, Москва

Посередине северной стены, между окнами и под прямым углом к стене, стояли постели, по обеим сторонам которых у стены было два столика светлой карельской березы с откидывающимися вперед дверцами; перед ними лежало по коврику темно-малинового сукна. Над постелями на стене висел продолговатый дагестанский ковер, привезенный моим отцом из Дагестана, когда он был послан государем в 90-х годах состоять при больном великом князе Георгии Александровиче. На ковре висел евангельский текст на английском языке: «Blessed are the peace mappers» [«Блаженны миротворцы»] – надпись, бывшая во время кончины моего любимого воспитателя англичанина Мг. Cobb¹⁴ над его постелью. Выше, в дубовой рамке, была фотокопия с «Нерукотворного Спаса» Васнецова, подаренная нам к свадьбе В. Ко маровским (графом Василием Алексеевичем). У изголовьев висел старинный медный образок великомученика Георгия, данный мне моими родителями в моем самом раннем детстве и всегда висевший над моей подушкой, затем – образок Явления Божьей Матери преподобному Сергию, который был у С<они> тоже с детства, наконец – сломанный медный крестик с серебряным ободком. История его такова: осенью 901 года, когда мы с С<оней> еще не были женихом

¹³ Сын Михаил родился 26 июня (в праздник Тихвинской Божьей Матери) 1903 года в Тараскове, имении Глебовых, в 3 часа утра.

¹⁴ Мг. Cobb кончил Cambridge'ский университет по богословскому факультету; был вице-консулом в Архангельске, затем, по дружбе с нашей семьей, в конце 80-х годов поступил ко мне воспитателем; умер в нашем доме в 1895 году; похоронен в Кенте в своем родном селе Teston, где его отец был пастором и куда мы ездили на его могилу летом 1896 года. Он умер совсем молодым, около 34 лет.

с невестой, была веселая охота в Красном Ржавце¹⁵. Я сидел верхом около дуба, держа своих собак на своре и, конечно, больше думая о С<оне>, которая стояла рядом, нежели о гоне в противоположном перелеске; во время разговора со мною С<оня> дотронулась рукою до дуба: под рукою оказался крестик, воткнутый, вероятно, кем-нибудь в дерево как сломанный. С тех пор, обложив крестик серебряным ободком, мы храним его в память беседы, которая имела для нас существенное значение.

Александр Васильевич Олсуфьев. Фото барона К. К. Розена. 1880. Частное собрание, Москва

---

¹⁵ Красный Ржавец – имение Ивана Павловича Игнатьева в 18 верстах от Буец. Дом был издан нами в нашем издании «Памятники искусства Тульской губернии».

Дом Олсуфьевых на Фонтанке, Петербург. В центре – отец Ю. А. Олсуфьева Александр Васильевич Олсуфьев. Фото конца XIX века. Частное собрание, Москва

Над столиками висели две фотографии с картины Beato Angelico – два трубящих ангела. Перед окнами стояло по креслу. В простенке между окном и северо-восточным углом стоял умывальный столик С<они>, закрытый от остальной части комнаты низенькими белыми деревянными ширмами, стена же над умывальным столом была обделана светло-розовыми квадратными кафелями. Выше висела французская гравюра – «Le mage», в черной рамке, обычной для гравюр Буюцкого дома.

Дом Олсуфьевых на Фонтанке, Петербург. Комната нижнего этажа. Фото конца XIX века. Частное собрание, Москва

Посередине восточной стены стоял широкий низкий диван орехового дерева, покрашенного черным, вероятно 50-х годов; он был обит зеленой ковровой бархатной материей с каким-то мелким рисунком темным; по сторонам его были откидные полочки. Над диваном висел поясной портрет маслом моей матери, девушкой лет двадцати, написанный Константином Маковским. Портрет был в тяжелой золотой раме овальной формы. Моя мать – в голубом платье с черной бархоткой на шее, как тогда носили, и с черным локоном. Она не любила этого портрета, как и манеры Маковского и вообще того направления в искусстве, которое получило название передвижничества. Моя мать была одарена тонким умом и талантливостью. Обладая своенравным характером и будучи единственной дочерью (братья ее умерли в раннем детстве), она была всегда первым лицом не только в родительском доме, но впоследствии и в своем. Она принадлежала к семье, которую нельзя отнести к «столбовому» русскому дворянству с его традициями и обычаями. Причиной тому было то, что ее отец, граф Лев Львович Соллогуб, с одной стороны, был сыном разоренного войною 12-го года графа Льва Ивановича, женатого на княжне Горчаковой, сестре канцлера, и тоже не обладавшей состоянием, а с другой, что он был женат на молдаванке Россети-Розновано, хотя и знатного господарского рода, но не имевшей почти никаких связей с Россией, куда судьба ее забросила в ранней молодости, спасая ее и членов семьи Розновано, сторонников России, от преследования турецкого прави-

тельства. Не обладая в России ни именьями-вотчинами (бессарабские именья бабушки графини Марии Николаевны как-то не укладываются в понятие русской вотчины), не располагая сколько-нибудь значительными средствами, семья деда Соллогуба не занимала в высшем русском обществе того места, которое принадлежало ей по происхождению. Дед мой был давно генерал-майором в отставке, и они подолгу жилали за границей: в Швейцарии, Германии и Италии. Казалось бы, что такие условия жизни должны были бы воспитать в моей матери человека оторванного, беспочвенного, но получилось как раз обратное: моя мать отличалась именно жизненностью. Ей дорого было все в жизни, каждое малейшее ее проявление как на протяжении истории, так и в окружающей ее действительности. Все подлинное, не сглаженное «культурой», останавливало ее внимание и неудержимо влекло к себе, будь то на шумной Каннебьере, на рыбном торгу в Венеции, в еврейском местечке Липканах или на берегах Непрядвы.

Юрий Александрович Олсуфьев в годы студенчества. Около 1900. Частное собрание, Москва

Моя мать в молодости не бывала при дворе и не была фрейлиною; выйдя замуж за моего отца, когда ей было около 27 лет, она была поставлена в тесное общение со двором покойного государя Александра III и как нельзя более усвоила всю сдержанную этику этого малоэкспансивного двора в противоположность широковещательной «идейности» предшествовавшего царствования. Такая сдержанность граничила с гонением на всякую идею и философичность вообще. Тон двора, который несомненно отражал заграничные¹⁶ склонности мысли и вкуса,

---

¹⁶ В оригинале и копии первоначально было: «мировые». Затем в копии рукой О. исправлено на «заграничные».

пронизывал общество даже до мелочей: одежда «*cloche*» [колоколом], тупая обувь, на балах «*le ridicule du pas expressif*» [смехотворность чересчур выразительных па], наконец моды на уродливых собачонок «*beaux par la baideur*» [прекрасных в своем безобразии] и т. д., все это было косвенным следствием боязни идейности, присущей тому времени. Моя мать благоговела перед царской семьей и двором, внимательно прислушиваясь к «*le on dit*» [мнению] петербургского общества, в сущности не любя ни двора, ни общества.

Помню в детстве, как на другой день после одного детского бала в Аничкином дворце, помню как сейчас, проезжая с нею в карете вдоль Марсова поля, она внушала мне не говорить, что на балу мне было скучно; я слушал и проникался придворностью. В Петербурге моя мать ездила в положенные дни во дворец, делала визиты, заказывала себе нужные наряды, к которым была более чем равнодушна, но вне Петербурга она отдавалась всем своим вкусам и наклонностям. Помню как однажды летом в Туле я увидел ее в ресторане на берегу Упы обедающей со своей любимицей, домашней ключницей Василисой, или «Васей», как звала ее моя мать, повязанной платочком и в паневе: лакеи суетились вокруг «графини Олсуфьевой» и ее необычной спутницы! Василиса Никифоровна, из буецкой семьи Куролесовых, была женою моего дядьки Митрофана Николаевича Стуколова, из буецких же крепостных; она была глубоко предана моей матери, просиживала с нею целые бессонные ночи, когда моя мать неделями страдала астмою.

Лев Иванович Соллогуб. Миниатюра. Первая половина XIX века. Частное собрание, Москва

Екатерина Россети-Розновано, урожденная княжна Гика. Миниатюра. Первая половина XIX века. Частное собрание, Москва

В молодости моя мать в обществе не пользовалась большим успехом, несмотря на то, что тогда была стройна и, скорее, красива; я думаю, что большая внутренняя жизнь мешала ей легко сближаться с людьми своего круга и чувствовать себя между ними вполне свободно. В годах уже преклонных, хотя умерла она не старой, ей было всего 57 лет, страдая сахарной болезнью, она была очень тучна; прикованная к креслу или кушетке, последние годы она с трудом могла двигаться, и вся жизненность ее как бы сосредоточивалась в ее неизменно блестящих и умных серых глазах, с которыми так гармонировали своим блеском ее серьги – два крупных грушевидных индийских бриллианта. Она всю жизнь страдала астмою, а затем диабетом, но я никогда не помню, чтобы она роптала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.